

Игорь Горбачев

В мае цвела сирень

16+

Игорь Горбачев
В мае цвела сирень

«Автор»

2010

Горбачев И. В.

В мае цвела сирень / И. В. Горбачев — «Автор», 2010

Пройдя лихие девяностые и раскаявшись в прошлой преступной деятельности, герой повести возвращается на свою малую родину – в одну из умирающих, разоренных деревень. Земляки, которые уже прослышали про его «подвиги», встречают его настороженно и даже враждебно. Ему нелегко завоевать их доверие и уважение. И вот, когда нелегкий путь возвращения пройден, когда мечты о женитьбе на любимой девушке и создании фермерского хозяйства уже почти сбываются, его настигает прошлое...

© Горбачев И. В., 2010

© Автор, 2010

Игорь Горбачев

В мае цвела сирень

Деревня умирала. Это было видно по первому, беглому взгляду даже тому человеку, который посетил её впервые. Направо и налево виднелись запущенные, заросшие прошлогодним бурьяном усадьбы, заколоченные или наглухо закрытые ставнями окна нежилых изб. Улица, по которой практически не ездили машины, давно поросла густой травой. Разросшиеся, накренившиеся, кое-где поваленные деревья, покосившиеся сараи, обветшалые надворные постройки... Все это наводило уныние и бессильную тоску. И впервой попавшему сюда человеку, наверняка стало бы не по себе от вида на агонию русской деревеньки. А уж Андрею, который здесь родился и вырос... Нет, не такой помнил он свою родную Серебрянку. Не такой...

Жилые избы все же кое-где попадались. Но и они почему-то выглядели совсем не так, как когда-то в детстве, уютно и приветливо. Как-то убого и до боли жалко смотрелись они сейчас. Может, потому что в их дворах совсем не было людей? Векшин с горечью узнавал дома, жителей которых знал с детства. И тоскливо констатировал про себя, что тех или иных его знакомцев, видимо, больше нет в живых, судя по их заброшенным избам. А дети и внуки ищут свое счастье в чужих и неприветливых городах. Печальный парадокс заключался в том, что отсюда только уходили. Кто на местный погост, кто в далекие, чуждые места. Назад же уже не возвращались. Так почему вернулся он? Доживать в родной глухомани свой век? Но ему нет еще и сорока, и собираться в последний путь ему, как ни прикидывай, а еще рано.

Через озеро, в нескольких километрах отсюда находится центральная усадьба их бывшего колхоза село Столбцы. Колхоза давно нет, но жизнь там еще теплится, там еще довольно много людей среднего возраста, да и молодые попадают. Когда-то Андрей знал практически всех людей в окрестных деревнях, селах и поселках. Но это было так давно... В юности. Теперь, поди, многих уже забыл. Да и его вряд ли помнят... К тому же население сократилось с тех пор вдвое. Первые начали уходить в небытие поселки. Сейчас от них остались одни заброшенные, заросшие деревьями и кустами погосты с покосившимися крестами. Не сохранилось даже следов от изб. Люди перебрались в центральные усадьбы колхозов и совхозов, а бывшие жилые места запахали тракторами и засеяли. Потом, когда начали разваливаться коллективные хозяйства, эти земли поросли бурьяном. И настала очередь деревень. Села, те, как правило, покрупнее, они еще держатся, хотя и их людские ресурсы порядком поредел.

Возле дряхлого, но еще жилого домишки, на лавочке у покосившегося забора сидела старуха, подслеповато, но цепко всматриваясь в Векшина. Андрей узнал её.

– Здравствуйте, Терентьевна, – неловко поздоровался он.

Старуха как-то испуганно закивала, и Андрей горько подумал, что она его, наверняка, не признала. Получается, он уже давно стал здесь чужой? «А что же ты хотел?» – тоскливо спросил он себя. – «Когда ты был здесь последний раз?» Андрей напряг память, но вспомнить так и не смог. Давно... Даже на похороны своих самых близких, родных людей попасть не смог. Не получилось...

Вот сейчас, за поворотом покажется родная, взрастившая его изба. Раньше она была бы уже видна, но теперь за буйно разросшимся, заполонившим поворот кустарником, дальше улица не просматривалась. Стоял май, сладко пахло сиренью. Родной запах детства...

Вот и родная изба. Андрей остановился напротив покосившихся, облупившихся ворот, снял с плеча объемистую сумку. К горлу подкатил комок. Немного постоял, успокаивая застывшее сердце и приводя в порядок дыхание, потом с трудом открыл завизжавшую петлями калитку и переступил через высокий порог. Поднял отвалившуюся от забора доску и, яростно прорубаясь с помощью её сквозь бурьян, пошел к крыльцу. На двери висел огромный ржавый замок. Кто запер избу и у кого искать ключ? Как это узнать? Не ходить же по обезлюдевшей

Серебрянке в его поисках... Андрей пробился к дровянику, где раньше хранилось топливо для печи – дрова и торф. Там же, он помнил это, хранились и нехитрые крестьянские инструменты: грабли, вилы, лопаты, топоры... Дровяник оказался незапертым, он нашел поржавевший лом, вернулся к избе и своротил засов на дверях вместе с замком. Вошел в первую холодную пристройку, называющуюся в деревнях сенями и распахнул скрипнувшую дверь в самую избу. Несмотря на то, что на улице тепло, там была стылая, пахнувшая плесенью тьма, заколоченные ставни совсем не пропускали света. Через распахнутую дверь ворвался дневной луч, косо осветив скромную крестьянскую утварь. Андрей постоял, привыкая к полумраку, машинально щелкнул выключателем на стене. К его удивлению под потолком загорелась тусклая, облепленная паутиной лампочка. Над старой железной кроватью висели на стене три портрета. На двух верхних, обрамленных одной рамкой были изображены еще молодые в ту пору, дедушка и бабушка, вырастившие его. Ниже висел портрет их единственной дочери, молоденькой симпатичной женщины, его, Андрея, матери, умершей вскоре после его рождения. Андрей постоял, неотрывно глядя на портреты, и опустил на табурет, растирая покрасневшие глаза. Вот он и дома. Он вернулся. Лучше поздно, чем никогда...

Весь оставшийся день Андрей работал. Приводил в какой-никакой порядок свою родовую усадьбу. Инструмент, оставшийся от деда, был на месте. Странно даже, что его не растащили, ведь столько времени изба без присмотра стояла. Возможно, дело в том, что Андреева деда, Семена Векшина при жизни в округе уважали и побаивались. Может, и после смерти, этот стереотип по инерции действовал. Был дед невысок, кряжист и необычайно силен. Когда возил на лошади, будучи на пенсии, воду на поля, где работали люди, то трехсотлитровую бочку взгромождал на телегу в одиночку. Мужики помоложе не могли сделать это вдвоем, а то и втроем. В дедов сад или огород никогда не лазили, побаивались. Вообще дед его, Семен Самсонович, по жизни, как говорится, хватил лиха. Прошел всю войну, да не где-нибудь, а в пехоте, на переднем крае, где бывало, каждые две недели отводили роты на переформирование, потому что выбивало в них людей едва не подчистую. Но, видно, крепко за него молилась бабушка, уцелел, вернулся. Потом ворочал в колхозе за двоих-троих, косил ежедневно в страду по гектару. И все за трудовни, на которые выдавали в первые послевоенные годы, страшно сказать, по горсти зерна. Но здоровьем деда Бог не обделил, все перенес, все стерпел вдвоем со своей женой, мудрой, рассудительной старушкой. Андрея силой тоже природа не обделила, здесь он в деда пошел. И фамилию носил дедовскую, потому как отца своего никогда в жизни не видел. Мать спросить не мог, потому что тоже не помнил, слишком рано ушла она из жизни, а дед с бабушкой никогда и словом об отце не обмолвились. Андрей раз-другой попытался спросить, но наткнулся на решительный отказ с их стороны на подобные воспоминания и больше пробовать не стал. В деревне тоже ничего об Андреевом отце не знали и никогда его не видели, потому что вернулась мать из областного центра, где училась в техникуме уже беременной. Так и не узнал Андрей ничего об отце и вряд ли что-то теперь узнает.

Первым делом Андрей отодрал доски, которыми были заколочены ставни. Натаскал сохранившихся дров и, несмотря на май, затопил печь. В избе было по-нежилому стыло и неуютно, поэтому топка печи являлась необходимостью. Дым шел в избу оттого, что печью долго не пользовались, не было тяги, и Андрей, распахнув настежь двери, ушел работать во двор. Мало-помалу печь прогрелась, дым понемногу начал уходить в трубу. Сразу потянуло чем-то родным и уютным, изба уже не казалась такой унылой и пустынной. Андрей, яростно взмахивая топором, вырубал кусты, заполонившие двор, стаскивал их, срубленные, на заросший бурьяном огород. Огород он позже тоже выкосит и кусты, как только чуть подсохнут, сожжет. Но странно – на полдеревни раздавался стук его топора, от непрогретой печи изба окуталась дымом, но никто даже не пришел посмотреть, полюбопытствовать, кто это там хозяй-

ничают на заброшенном подворье Охримкиных, как по-уличному звали всю Андрееву родню. В деревнях у каждого рода есть прозвище. Далеким Андреевым предком был служивый казак, по имени Охрим, Охримка. Никто не помнил этого Охримку, очень это было давно, но уличное прозвище он своему роду дал и с тех пор все в деревне величали его потомков не иначе как Охримкины.

Андрей работал споро, хотя и отвык. Но было приятно от работы: мускулы вспоминали давнее занятие и, хотя болела с непривычки поясница, работа клеилась. Но все-таки жгла его, не давала покоя мысль: отчего же никто не зайдет посмотреть, поговорить. Ведь Серебрянка, хотя и была почти опустевшая, но все же почти, а не полностью. Он ведь видел, когда шел. Да и, наверное, видал его и еще кто-нибудь, кроме старухи Терентьевны. Андрей знал свою деревню, знал любопытство односельчан, знал, как скоро разносится весть о вновь прибывшем человеке. И вот – никого...

Вечером Андрей с удовлетворением осмотрел двор. Перемены были налицо. Подворье уже начало принимать жилой вид. «Надо будет собаку завести», – подумал он, – Да, обязательно надо, все веселее. Да и огород...» В этом году уже поздно, а к следующему он выкорчует кусты, выкосит бурьян, перекопает землю на зиму, а по весне достанет семян и посадит картошку. Ну и по мелочи: лук, чеснок, свеклу столовую... Огурцы, опять же. А что? Разве не сумеет? Он ведь родился и вырос тут. На этой земле...

Андрей поужинал колбасой с хлебом. На будущее надо бы купить в районном центре и подключить к плите газовый баллон. Плита-то вроде в порядке. Можно будет готовить горячую пищу. А то печь не станешь же топить летом каждый день. И к зиме дров надо добыть, торфа еще...

Он, не раздеваясь, прилег на кровать, прикрыл глаза. Да, дел предстоит много... Но это и хорошо. Времени скучать не будет. Да он и ноутбук привез, правда, интернет здесь, наверное, не подключишь. Хотя... Через тарелку спутниковую можно. Телевизор надо купить, дедов-то старый, нерабочий. Да еще надо... Что? Ах, да... В Столбцы сходить, может, кто из ровесников там еще есть. Одноклассников... Печь-то теплая... приятно, запах родной... Мысли разбежались в разные стороны, вязли где-то в подсознании – Андрей уснул.

Проснувшись утром, Андрей сначала не понял, где находится. Повернулся набок, поднял глаза... Взгляд уперся в портреты, и Андрей все вспомнил. Поднялся, вышел во двор. За воротами находился колодец, который еще в молодости вместе с соседями выкопал дед, на его барабане висела заржавелая цепь. Ведра не было. Вчера Андрей пил привезенную минералку и как-то не подумал о воде. Он закурил, постоял немного, вернулся в избу, отыскал ведро. Привязав ведро к цепи, опустил его в колодец. Барабан отозвался ужасным скрипом, но ведро достигло воды. «Не пересох, значит, колодец», – обрадовался Андрей. Здесь же умылся, вновь зашел в избу, достал из сумки электрочайник, вскипятил воду, заварил чай. Как в нежилой избе не отключили электричество, как местные умельцы не снимали провода, чтобы сдать их как цветной металл – непонятно. Но хорошо, что так, это избавляет от стольких хлопот.

Попив чаю, Андрей направился на кладбище. Он никогда не видел могилы деда и бабушки, но твердо знал, что они будут возле матери. Вновь прошел он полдеревни и на этот раз не увидел даже Терентьевны. В чем дело, он понять не мог. Ну, поняли ведь оставшиеся жители, что он приехал, поняли. Не могли не понять. Но из попадавшихся еще жилых изб не вышел никто.

Кладбище находилось за деревней. Возле могилы матери теперь находились еще две. К удивлению Андрея, все они были ухожены, на металлических свежевыкрашенных крестах развевались под легким ветерком чистенькие рушники. Недавно была радуница, праздник, когда на погост обязательно приходят близкие поминать ушедших. Застилают скатертями могилы, катают по ним крашенные яйца, едят на них, выпивают... И к этим трем могилам явно кто-то приходил. Но кто? Кто за ними постоянно ухаживает? Андрей присел на крепкую лавочку

у могил. Она тоже была новая. Потому что старая, возле холмика матери уже давно превратилась в труху. Андрей вздохнул. «Здравствуйте, родные, я пришел. Я знаю, что вы давно меня ждете, а я пришел только сейчас. Простите, если сможете...» – Андрей сглотнул комок в горле, снова закурил. Где же здесь лежит дед, а где бабушка? Трудно понять, но, наверное, посередине бабушка, а с краю дед. Он ведь умер, хоть на пару месяцев, но позже... Что ж, дорогие мои, теперь я часто буду к вам приходить. Я ведь вернулся...

Вернувшись домой, Андрей присел на табурет, закурил и глубоко задумался. Картины прошлого представляли перед глазами. Детство, юность... Все прошло в этой избе, где знакома каждая трещинка на потолке, каждый кирпичик на лежанке. «Было все знакомо», – вздохнул он. А теперь... Изба постарела, обветшала, немало добавилось новых трещин, давно облупилась краска на ставнях, выгорело под солнцем резное крылечко...

Андрей затушил сигарету и резко поднялся. Воспоминаниями не проживешь. Надо идти в Столбцы. Во-первых, в магазин, хлеба там купить, продуктов разных, во-вторых, там-то уж наверняка встретится кто-нибудь знакомый. Хотя... Даже хочется некоторое время никого не встречать, побыть одному, столько лет ведь находился в большом городе, в центре всяких бурных, часто негативных событий. Нет, совсем становиться отшельником Векшин, конечно, не собирался, но какое-то время для одиночества все же требовалось. Хотя бы для того, чтобы что-то переосмыслить. Правда, этот процесс начался у него уже, наверное, давно... Или... Но все же одно дело давать оценку своей жизни там, в городе, среди множества окружавших его людей, знакомых и незнакомых, хороших и плохих, и другое дело здесь, дома, на родной земле, в волнующем сердце, бередящем душу одиночестве. Здесь все видится по-другому, как бы оттуда, из ранней юности, глазами того крепкого, но наивного паренька, шагнувшего в незнакомую дотоле бурлящую стремительно развивающимися событиями, жизнь. А каких людей было вокруг него больше? Андрей вздохнул. Наверное, все же, не очень хороших. Да что там, наверное...

Размышления прервал громкий скрип калитки. Андрей вздрогнул. «Надо петли смазать», – не к месту подумал он. Должна же где-то оставаться масленка... Он бросил взгляд в окно. По двору, с интересом осматриваясь, шагал невысокий, крепкий мужчина в милицмейской форме. Андрей разглядел даже его звание: капитан. Вихрем пронеслись в голове тревожные мысли. За ним? В связи с чем? Почему сейчас? Но милиционер ведь один. Значит что? Непонятно... Векшин машинально опустился на стул, не сводя глаз с двери. Дверь открылась, и вошедший человек, обведя взглядом комнату, остановил на нем взгляд. Помолчал немного и негромко произнес:

– Ну, здравствуй, Андрей.

– Макс?!! – ошарашено сказал Векшин, машинально приподнимаясь со стула. – Макс, ты?

– Я, Андрей, я, – все так же негромко ответил человек, снимая фуражку. – А что ты так удивился?

– Да как же... – Андрей широко улыбнулся, радостный порыв сорвал его с места и бросил навстречу гостю. Он широко раскрыл для объятия руки. – Максюха!!!

Максим, однако, почему-то не разделил его радости, не поднял в ответ руки, даже не пошевелился, и Андрей, останавливая свой радостный порыв, уже упавшим голосом запоздало ответил:

– Здравствуй...

Максим пригладил волосы.

– Может, присядем?

Андрей кивнул и, вернувшись на место, с которого он вскочил, когда узнал Максима, опустился на стул.

– Что ты так удивился, увидев меня? – усмехнулся Максим. – Ты что, не знал, что я в милиции?

– Да знал, – пожал плечами Андрей. – Только когда это было? Я думал, что ты еще тогда, в девяностом, поработал там немного и ушел... – Он подумал и повторил задумчиво: Когда это все было...

– Да, давненько... – Максим поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее, достал сигареты. – Разрешить?

– Кури.

Максим закурил.

– Изменился ты, Макс, – всматриваясь в собеседника, грустно сказал Векшин. – Мало что от тех времен осталось.

– Так ведь и ты не помолодел...

– Солидные мы с тобой стали, – продолжил Андрей. – Подраздались вширь-то...

Гость глубоко затянулся сигаретой.

– Ничего, что ты за одним столом с ментом-то сидишь? – спросил он вдруг, прищурившись. – Понятия позволяют?

– Макс... – упавшим голосом проговорил Андрей. Хотел, что бы это прозвучало укоризненно, а получилось как-то жалко. – Что ты городишь?

– А что? – жестко переспросил Максим. – Разве нормально, чтобы авторитетный пацан по кличке Шварц за одним столом с ментом сидел? Или, когда не видит никто, можно?

Андрей опустил голову. Знает Максим прозвище, под которым он известен в бандитских кругах. Ну да, он же в милиции служит... Все верно, такую кличку, ему, начинающему братку, дали когда-то. За силу дали. Сначала Шварцнегером звали, потом сократили для удобства.

Векшин не глядя, нащупал на столе сигареты, закурил нервно...

– Какие понятия? – сказал он, глядя в сторону. – Давно уже по понятиям это не в падлу...

– Вот как? – Максим зло усмехнулся. – Я-то думал... Только не надо на жаргоне, ты не среди своих корешей... Значит, разрешают понятия? А я думал, ты мне исключение сделал, по старой дружбе. А на самом деле, это понятия разрешают...

– Послушай, Ромашин, – вскинулся Андрей. – Ты говори, да не заговаривайся!

– А то что? – встал и Максим. – Ответить придется?

Андрей опустился на стул.

– Ты ругаться пришел?

– Нет, – покачал головой Максим. – Просто это мой участок, – он повел вокруг рукой. – Я здесь участковый. И вот на моем участке появился известный в области бандит, по кличке Шварц. Что ж я должен делать? Должен я к нему зайти, узнать, для чего, собственно, он здесь появился?

– Быстро ты узнал...

– Вчера еще... – Максим потянулся к ржавой консервной банке, заменяющей Андрею пепельницу, затушил в ней окурочок. – Ты забыл, куда приехал? Думаешь, люди не заметили, что в хате у Охримкиных кто-то появился? Не видели, как ты по деревне шел? Как на кладбище ходил с утра, не видели? Я вчера заходить не стал, мне с тобой встречаться радости мало, думал, что ты на кладбище побудешь да уедешь. Ни разу ведь у деда с бабушкой не был! А потом говорят, ты здесь хату стал в порядок приводить, усадьбу... Вот я тебя и хочу спросить – ты отсидеться сюда явился? Взялись за тебя, наверное, что ты решил здесь залечь?

– Нет, Максим, – Андрей провел рукой по начавшей отрастать щетине на лице. – Никто за меня не взялся... Просто я вернулся, понимаешь? Домой вернулся, на землю свою...

Участковый оперся локтями на стол, наклонился к Андрею, пристально глядя в глаза.

– А нужен ты этой земле? А? Об этом ты не подумал?

– Ну, знаешь... – задохнулся Векшин. – У меня на эту землю прав не меньше чем у тебя!

– Да, это конечно... Права ты мастер качать. Научился среди братков на разборках. А обязанности, небось, тебе и неинтересны...

– Я приехал домой к себе, – возвысил голос Андрей. – Жить приехал! Кому я здесь мешаю? Я просто жить здесь хочу, понял?

– Не понял, – не сводя с Векшина серые немигающие глаза, спокойно произнес Максим. – Ты просто жить сюда приехал? Не смейся. Бросил роскошную квартиру, тачку, дела свои бандитские, жизнь обеспеченную и приехал сюда, в глушь, в хату дедовскую, в деревню вымирающую? Просто жить приехал? Кто тебе поверит? И я не верю!

– Как хочешь... – убито пробормотал Андрей, сам понимая, что все это, действительно, звучит не очень убедительно. А по правде сказать, неубедительно совсем.

– Но я тебе хочу сказать, – продолжал Максим Ромашин. – Что покоя я тебе не дам. И отсидеться здесь тебе не получится. В городе покоя не стало и здесь не будет!

– Арестуешь? – усмехнулся Андрей.

– Будет возможность – арестую! – отрезал Максим.

– Эх, Макс, Макс... – печально вздохнул Андрей. – Неужели ты забыл, кем мы когда-то друг для друга были...

– Это ты говоришь?! – удивленно, с силой произнес Ромашин. – Ты? Где ж ты был столько времени? А? Сколько лет не приезжал! Какие такие дела не пускали? Ты бандитом стал или я? Ты нашу дружбу предал или я?

– Время такое было! – начал заводиться Векшин. – Ты что, не помнишь? Хотя... Ты вот здесь прожил, ничего не видел в жизни, ничего сравнить не можешь! А тогда, в девяностом... Ты вот из армии пришел, женился, здесь остался, в милицию пошел. А я поехал в город областной. Устроился на завод, а там что? Как Союз развалился, все сыпаться стало. Инфляция всю зарплату сжирала, да и ты не платили. Как жить? Куда пойти? Бизнесом заняться? Так тогда бизнеса без криминала, наверное, и не было! А жить-то хотелось по-нормальному... А тут жизнь вокруг с приходом частного капитала заиграла. И тачки импортные, и вещи заграничные. А я сижу в общаге, жрать нечего! И смотрю, как всякие сволочи жируют...

– И решил сам сволочью стать? – мгновенно отреагировал Максим.

– Да подожди ты! – отмахнулся Андрей. – Ты думаешь, все, кто тогда в братки подались, ими с детства стать мечтали? Так думаешь? Нет, далеко не все! Многие от безысходности ими стали... Видели жизнь красивую, а сами нищенствовали. Каково со стороны на это смотреть? Ты там не был, красивой жизни не видел, у тебя соблазнов не было! А в то время и менты в городе как бандиты жить стали. И «крыши», и рэкет... И еще неизвестно, может, ты сам, если бы там был, братком стал! Время такое было, понимаешь?

– Время, говоришь, – усмехнулся Максим. – Когда ответить нечего, тогда всегда время винят. Слышал я уже подобное, нового ты ничего не сказал. Ну а почему же не все в городах братками стали? Кто-то через девяностые прошел и живет сейчас более-менее достойно. Ни бандит, ни бизнесмен? А?

– Да потому что не каждый в братву годится! Там стержень нужен, смелость, характер...

– И ты, значит, характер проявил, с низов в авторитеты выбился в бригаде своей? Зажил красиво? А характера для того, чтобы весь этот соблазн выдержать и с совестью чистой остаться, не надо? Может, здесь-то как раз, характер и покрепче нужен?

Андрей замолчал, взял себя в руки и, остывая, прикурил сигарету.

– Что тебе докажешь? – махнул он рукой. – Курить будешь?

– А мне ничего доказывать не надо, – Максим проигнорировал примиряющее предложение закурить. – Ты это себе доказывай. Тебе с этим жить! Ты вон даже своих родных хоронить не приехал.

– Да я...

– Знаю. В изоляторе тогда сидел, семь месяцев. Да вытащили тебя тогда адвокаты твои бандитские...

Андрей усмехнулся.

– Жалеешь...

– Жалею, – прямо сказал Максим.

– Спасибо за честность...

– Кушай, не обляпайся.

Андрей вздохнул и попробовал еще раз что-то объяснить.

– Не такой я уж бандит был, – сказал он. – Кого я мирных да невиновных трогал? Просто тогда войны шли, понимаешь. Пусть бандитские, как их называют, но войны...

– Войны, говоришь? – саркастически усмехнулся Максим. – Ну-ну... Значит, ты на войне был... А за кого ж ты воевал, Андрюша, а? За Родину? Нет, ты за кусок сладкий воевал, с такими же, как ты. За тачку импортную, да за колбасу-сервелат. Может тебя еще ветераном признать, с дедом твоим сравнить? Он на войне был – и ты тоже...

Андрей убито замолчал. Воспоминанием о деде Максим его сразил. А Ромашин, будто специально продолжал сыпать соль на рану.

– И не говори, что невиновных не трогал. Не ты ли со своими жену у бизнесмена какого-то похитил, в заложниках держал, измывался... Изнасиловали потом...

– Не я же...

– Ты с ними был! – почти выкрикнул Максим. – Ты дружил с ними, ты позволил такое сделать!

Андрей молчал. Что толку говорить, что не было его там в этот злосчастный момент, что разбил он двум отморозкам, которые это сделали, лица, что ребра им поломал. Ничего этот факт уже, видно, не докажет...

– Я, когда в девяносто втором узнал, что ты бандитом стал, спать первое время не мог, – немного успокоившись, заговорил Максим. – Для меня это было... Ну... Как все равно, чтобы речка наша Беглянка в обратную сторону потекла. Мы же с тобой, как братья были... А выходит, что не знал я тебя совсем. Да что я? А дед твой, а бабушка? Я молчал, конечно, когда они мне хвалились, что ты их не забываешь, деньги шлешь регулярно, что ты бизнесом занимаешься, большим человеком стал. Долго я молчал. Много лет. А потом когда тебя в СИЗО закрыли, Петька Скрипкин в область ездил, встретил там кого-то, рассказали ему про тебя. Он вернулся, и понеслось по округе... Андрюха Охримкин-то бандюга, оказывается, несусветный, а никакой не бизнесмен. В тюрьме сидит. Да пару фактов из твоей биографии откуда-то Петька еще узнал...

– Так это Петька? – сжав зубы, выдавил Андрей.

– И что? Петьку убьешь? Он теперь виноват? Ты бандитом стал, а он виноват?

Андрей снова закурил, отвернулся. А Максим продолжал:

– Пришел ко мне дед Семен и спрашивает: Макся, скажи мне честно, ты знаешь, ты в милиции служишь, правда, что про моего Андрюху болтают? Только не ври, я ведь по глазам увижу... Что мне делать оставалось? Вот хоть было ему тогда девяносто, а крепкий еще был, за жизнь ничем не болел, сам знаешь. А ушел от меня... Смотреть больно было. Баба Настя две недели после этого протянула и померла, а дед мне на похоронах сказал: я, говорит, не умру, пока его не увижу... Тебя, то есть... Ждать буду, говорит, явится когда-нибудь, никуда не денется. Шибко я хочу на него поглядеть. Да вот не дождался. Два месяца только и протянул. Ну, что молчишь?

Максим поднялся.

– Значит так, Андрей. Покоя тебе и здесь не будет. Не отлежаться тебе здесь. Запретить жить тебе в этой избе, я, конечно, не могу, но... Во-первых, прописывайся.

– А во-вторых?

– А во-вторых, я узнаю в области, почему ты сюда подался. Узнаю. Может, от закона, а может, со своими чего не поделил...

– Как ты со Светкой-то живешь? – внезапно спросил Андрей.

Максим удивился, повел головой.

– Нормально живу, а что?

– Нет, не подумай чего, я просто спросил. И дети есть?

– Есть. Двое. Дочка и сын. Еще что?

– Да ничего... Просто... Рад я за тебя, Макс, что хорошо у тебя все. Вот ты не поверишь, а я рад...

Максим молча надел фуражку, пошел к двери.

– Макс...

– Ну что еще? – обернулся он.

– Последний вопрос. Кто за могилами моих ухаживает, не знаешь?

– Я, – коротко ответил Ромашин. – Кресты поставил, лавочку, крашу время от времени...

– Спасибо...

– Спасибо мне твое не надо. Я не для тебя это делаю, а в память о хороших людях. Деда Семена и бабы Насти... – помолчал и добавил: – А убирает могилки Маринка Агеева...

– Маринка?! – пораженно спросил Андрей. – Она здесь?

Максим, ничего не отвечая, не сказав даже, до свидания, вышел из избы.

Ночью прогромычала гроза. Утром, выйдя во двор, Андрей опьянел от смеси запахов свежееумытой земли, мокрой листвы и травы. И, особенно, от аромата цветущей сирени. Май... Месяц надежд и перемен. Почему-то, в жизни Андрея все знаковые события случались именно в мае. И поэтому аромат сирени всегда будет волновать его душу, уносить в счастливое прошлое. В мае когда-то заканчивались занятия в школе и начинались каникулы, в мае прозвенел последний звонок, в мае, через год после последнего звонка, он ушел в армию, в этом же месяце вернулся, увидел подросшую, превратившуюся из угловатого подростка в красивую девушку, расцветшую юной красотой Марину Агееву... И тогда вот так же пахло сиренью. Андрей помнит, как он делал из неё букеты, дарил Марине. И вот в мае же, через столько лет, он вернулся...

Андрей присел на изготовленную когда-то давным-давно его дедом лавочку, закурил сигарету. Вспомнил вчерашнюю встречу с Максимом, и в душе тотчас же резанула по-живому острая, шемящая боль. Вот ведь как довелось с другом встретиться... И ведь главное в том, что хоть и возражал он вчера на обвинения Максима, но чувствовал же, понимал где-то подсудно всю его безжалостную правоту и бессильную тщетность своих возражений. Так плохо, так тоскливо сделалось вчера на душе после ухода Ромашина, что впервые после того, как Андрей твердо решил все бросить и вернуться в деревню, у него возникло чувство безысходности. Оттого, что исправить почти ничего уже нельзя, оттого что слишком поздно произошло его возвращение. Андрей вышел во двор, рьяно взялся за дело, рубил, грёб, носил, продолжая расчищать усадьбу, но успокоиться не мог, не помогала даже работа. В конце концов, он все бросил, вернулся в избу, достал из сумки бутылку водки, выпил её жадно, в три приема, не закусывая почти... Потом достал еще водку, еще пил. Искурил почти две пачки сигарет. И только поздней ночью забылся тяжелым хмельным сном...

Сейчас болела голова, и дико сушило во рту. Андрей достал из колодца свежей ледяной воды, выпил жадно едва ли не полведра. Снова вернулся на лавочку, снова закурил. И внезапно вспомнил то, от чего теплая, радостно волнуемая волна окатила сердце. Максим, уходя, вспомнил про Марину Агееву. Она здесь! Она или вернулась, или, может быть, вообще никуда не уезжала. Это она вместе с Максимом присматривает за могилами Андреевых родных. Сей-

час казалось странным, то, что он не вспоминал о ней столько лет. Нет, не то чтобы не вспоминал вообще... Не вспоминал, так как вчера после слов Максима или сегодня, с такой душевной теплотой и щемящим сердце волнением. Вычеркнул он раньше её как-то из сердца, загородил воспоминания о ней глухой ширмой повседневных своих бандитских дел и забот. А теперь вот, разволновался... Как юный влюбленный будто. Да, усмехнулся Андрей, теперь приходится говорить: как. А когда-то... Когда-то он ведь и был тем самым юным влюбленным. Да, но с чего это вдруг сейчас, его душу омывает такая волнующая радость? Она ведь, наверное, давно замужем... Почему он не спросил об этом вчера у Максима? Растерялся... Да и Максим-то ведь сразу после того, как сообщил о Марине, ушел. А что если... От этой мысли Андрей похолодел. Вдруг она восприняла его возвращение так же как и Максим? У неё ведь прав на это не меньше. Она тоже знает о нем всю правду, если об этом знает вся округа. Марина, Маринка, Мариночка... Ты ведь знаешь уже, что я вернулся. Что ты думаешь сейчас обо мне? Ты вправе думать плохо, и если это так, он, Андрей, не обидится. Но все же вдруг ты не думаешь обо мне так, как Максим? Вернее, не совсем так плохо? Хотя, с другой стороны, как ты еще можешь думать? Но пусть даже все обстоит именно так, но есть предвкушение радости хотя бы потому, что он просто её рано или поздно, увидит...

Андрей подумал, о том, что где-то там, в избе, еще осталась водка. Но тут же отогнал эту мысль. Он вернулся сюда не для того, чтобы спиваться. Он вернулся для искупления. И пусть все искупить невозможно, но хоть что-то он искупит. Он очень постарается искупить.

Как сиренью-то пахнет... Он не ощущал этого аромата, наверное, еще с той первой послеармейской весны. И если все это сейчас есть, то не может не быть где-то недалеко отсюда Марины. Если, конечно, все это Андрею не снится...

...Увидел он её тогда, в первый же вечер по возвращении из армии. В деревню он приехал на утреннем автобусе, в форме сержанта пограничных войск, отличник боевой и политической, все честь по чести. Деда с бабушкой специально не предупредил, они так и ахнули. Бабушка на стол вмиг все лучшее собрала, дед, хитро поглядев, достал бутылку самогонки. «Чистая, как слеза», – подмигнул он. Этот жест был признанием Андрея взрослым, раньше дед никогда не выпивал с внуком, даже не заикался на эту тему. Андрею это, понятно, польстило, хотя он старался держаться посolidнее, поувереннее, дескать, что тут такого, сели выпить двое взрослых мужчин, но сквозь напускное безразличие, нет-нет, да и проскальзывала ребяческая улыбка. И взрослые, поседевшие мужики ценили такое признание деда Семена, далеко не каждый мог похвастаться тем, что дед пригласив его за свой стол, вместе с ним бы выпил. Старый Векшин знал себе цену...

В неспешном разговоре опорожнили бутылку. Дед с бабушкой расспрашивали о службе. Андрей солидно, не торопясь, рассказывал. Не привирал, знал, если почует дед фальшь, усмехнется так презрительно, что десять раз пожалеешь. Знал Андрей своего деда. Было для него и радостное известие. «Друган-то твой, Максюха, уже неделю как вернулся», – по-доброму усмехнулся дед. – «Отслужил тоже, а как же...». Андрей тут же радостно заерзал на стуле, а дед махнул рукой, с улыбкой кивая: – «Беги, беги уж...». Андрей, нахлобучив фуражку, рванулся к двери и... столкнулся с запыхавшимся Максимом. «Легок на помине...», – засмеялся дед, а друзья радостно обнялись.

Дед полез за еще одной бутылкой. Долго сидели они за столом, долго беседовали, перебывая друг друга. Потом Максим ушел, договорившись о встрече вечером, а Андрей прилег с дороги отдохнуть.

Вечером, подвыпившие ребята весело ввалились в клуб в Столбцах. Были танцы. Знакомые ребята и девушки с улыбками подходили к Андрею, поздравляли с возвращением. Девчата смущенно и радостно улыбались, ребята шелкали по горлу, предлагая «дембелю» выпить. А так как знакомые здесь ему были практически все, то один он не оставался. Наконец вырвался из шумного, весело гомонящего круга, отошел к стене покурить. Закурил, разглядывая танцую-

щих. И вот бывает же так... Едва Андрей сфокусировал в полумраке и сверканье цветомузыки взгляд, тот моментально прилип к стройной, легко двигавшейся в танце, ладной девушке в джинсах с развевающимися волосами. Мигающий свет рывками выхватывал из темноты силуэт красивого личика с небольшим, чуть вздернутым носиком и еще по-детски пухлыми губами. Он махнул рукой Максиму, подзывая друга к себе, но тот, сидя у противоположной стены, был увлечен разговором со своей Светкой и не заметил жеста Андрея. Андрей подошел бы к другу сам, но не хотел говорить при Свете. Хотя, что Света, она Максиму можно сказать, жена, на осень у них насчет свадьбы договорено, с армии его дождалась. Да они вообще, еще со школы дружат. Но все равно при ней как-то не хочется почему-то расспрашивать... Андрей энергично махнул рукой, раз, наверное, пять, прежде чем Максим заметил его жест.

– Чего ты? – друг пересек танцзал, подошел к Андрею, улыбаясь неизвестно чему.

– Слушай, Макс, это кто? – немного даже как-то ошарашено спросил Андрей.

– Где?

– Да вон, видишь, в кофточке в полоску, танцует...

– Не узнал? – присмотревшись, засмеялся Максим.

– Нет...

– Да Маринка Агеева, дядьки Николая дочка, что, здесь в Столбцах, на взгорье живет...

– Маринка? Да иди ты... – не поверил Андрей. – Она ж еще дите была, когда мы уходили, в армию-то... Сколько ж тогда ей?

– Да уж шестнадцать, – снова засмеялся Максим. – А ты не промах, сразу углядел. Девка что надо! А что? Тебе сколько? Двадцать? Всего четыре года разница, все нормально.

И увидев восхищенный взгляд друга, подтолкнул его в бок.

– Да что ты, рот разинул-то? Сейчас «медляк» будет, пригласи. К ней один Егорьевский подбивается, ездит, мне Светка говорила, чуть нас постарше будет, еще осенью из армии. Но она, вроде, на него ноль внимания.

Егорьевск – это их районный центр, небольшой городок. Значит, городской кто-то на Маринку глаз положил...

Заиграла тихая спокойная мелодия. Андрей, пригладил губ, одернул китель и решительно направился к девушке. Вернее, это вид его был решительный. Потому что внутри он почему-то отчаянно волновался.

– Разрешите? – Андрей слегка склонил голову.

Девушка подняла на него взгляд, и бывалый, разудалый сержант погранвойск утонул в её больших, продолговатых глазах. Нет, Андрей вовсе не был этаким доморощенным донжуаном, как, скажем, к примеру, его одноклассник Сережка Марецкий, но все же перед девчонками никогда не робел. А тут...

Марина протянула ему руку. И так это свободно и изячно у неё получилось, будто она была не простой деревенской девчонкой, а являлась, по крайней мере, воспитанницей Смольного института, где ей преподавали уроки светских манер. Андрей вдруг почувствовал себя натуральным неотесанным солдафоном. Танцуя, Марина поднимала время от времени глаза, и её взгляд будто обжигал Андрея. Он словно впал в какой-то ступор, язык как-то одеревенел, на ум почему-то не приходила ни одна подходящая к данной ситуации фраза. Векшин ломал голову, но не мог начать разговор. Девушка подождала-подождала и нежным, грудным голосом произнесла:

– С возвращением...

– Спасибо... – ответил Андрей и опять неловко замолчал.

– Вот радость-то деду Семену с бабой Настей.

– Ты знаешь меня? – удивился Андрей. Глупо как-то удивился. У них ведь в округе, почитай, все друг друга знали. И он до армии знал эту мелкую тогда Маринку. Никогда вни-

мания не обращал, мало ли их тогда бегало по селу в выгоревших платяницах... Но два года изменили её до неузнаваемости, куколка превратилась в бабочку.

– А я тоже тебя знаю, – похвастался Андрей и сам понял, как это смешно прозвучало. Девушка прыснула, а Векшин насупился.

– «Ну и валенок ты, отличник боевой и политической...» – ругнулся он про себя. – «С девушкой, которую знал еще, когда она, наверное, в детский садик ходила, поговорить не можешь... Соберись, в конце концов»

– Выросла ты как... – выдавил, наконец, Андрей.

Марина улыбнулась.

– Ну, так, природа, она свое берет. Вам служить, нам подрастать.

– Для нас?

– Ну, для кого конкретно, неизвестно, – Марина слегка пожала плечами.

А танец уже заканчивался.

– Слушай, а можно тебя на следующий «медляк» пригласить? – волнуясь, спросил Андрей.

Девушка как-то непонятно повела головой.

– Пригласи.

Андрей заулыбался.

– Значит, можно...

– Ты сначала пригласи. А потом увидишь. Разве об этом спрашивают? Просто приглашают.

Они протанцевали весь вечер. Андрей не раз ловил на Марине завистливые взгляды подруг, и это, чего греха таить, ему безумно нравилось. Ему вообще все нравилось в этот вечер: и старый клуб в огнях цветомузыки, и люди его окружающие... А что было потом? А потом он пошел её провожать... Пригласил погулять по селу, потом за селом... К её дому они подошли, когда уже светало. Необъяснимо, загадочно-приятно пахло тогда сиренью, и в душе Андрея расцвела тихая радость. Он дома. На своей земле. И рядом такая девушка.

– А как же, говорят, к тебе кто-то Егорьевский ездит? – задал он на прощание мучивший его весь вечер вопрос.

Маринка засмеялась. Любят девчушки в таком возрасте посмеяться.

– Неужто внук деда Семена кого-то испугаться может? Раньше сильнее деда твоего во всей округе никого не было. А как внук?

– И внук ничего себе, – обидчиво пробормотал Андрей. – Не бойся.

– Да я как-то и не боюсь...

– Ты так и не ответила.

– А рано еще мне тебе на такие вопросы отвечать.

Андрей насупился. Закурил, глубоко затягиваясь. Марина почувствовала его настроение.

– Пора мне, – примиряюще произнесла она.

– Завтра в клуб придешь?

Марина кивнула, на ходу обернулась, махнула рукой и скрылась за калиткой. Андрей долго смотрел на эту калитку, за которой исчезла девушка, потом медленно повернулся и чему-то глупо улыбаясь, побрел к себе в Серебрянку. За озеро.

В деревнях слухи по округе разносятся быстро. На следующий день все уже знали, что Андрей Охримкин провожал Марину Агееву. Но одна ночь ни о чем не говорит, а вот когда это стало повторяться с завидной регулярностью, люди начинают об этом судачить. Андрею бабушка прямо сказала:

– Хорошая девчушка, работающая и к старшим почтительная. Да и род у неё хороший. Ни пьяницы, ни гуляки...

Дед не сказал ничего. Но каждый вечер с усмешкой следил, как внук начесывает перед зеркалом чуб.

– Ты, Андрюха, смотри все до последней волосины не вычеши, – добродушно подтрунивал он, – а то какая на лысого-то глядеть станет.

Маринин отец, дядя Николай, тоже, конечно же, все узнал. И произнес дочери следующие слова:

– Что я могу сказать тебе, дочка... Помню я Андрея еще мальцом, вроде нормальный парень. Но вот род его я знаю только наполовину. Ежели он в деда, тогда и разговора нету. А вот если в отца... Кто у него отец-то, никто из наших, деревенских, не знает. Варвара-то, мать его так никому и не открылась. Так, что смотри получше...

– Да что ты, папа, – покраснела Марина. – Мне же еще шестнадцать только. Год еще в школе учиться... Да и...

– Ну-ну... – перебил её отец. – Это я так, на всякий случай...

Сирень отцвела, но счастье продолжалось. Андрей пошел на работу в колхоз. До армии, после школы, закончил ПТУ, получил специальность тракториста. Работать умел и любил, с детства был дедом приучен. День Андрей ворочал на тракторе, вечером быстро ужинал и, наскоро ополоснувшись в прогретых за день водах озера, бежал в клуб. К Марине. Встретил как-то и ухажера её городского. Прикатил тот с шиком на «Жигулях». С ним еще с десяток человек на двух машинах. Увидел Андрея возле Марины и к нему, перед своими рисуясь:

– Пойдем, выйдем!

Андрей уловил струю перегара и, поморщившись, поднялся с места. Осторожно освободил руку от вцепившихся Марининых ладошек и пошел следом за парнем. Вышли, за клуб отошли. Двое городских, недалеко от них, на углу встали.

– Как тебя зовут, парень? – осклабился приезжий.

– Это важно? – усмехнулся Андрей.

– Когда я спрашиваю, мне отвечают, – нагло и зло повысил голос противник.

Андрей сплюнул ему под ноги, развернувшись, пошел обратно.

– Стоять! – раздалось сзади. – Я сказал – стоять!

Этого Андрей уже вынести не мог. И повернувшись, так хватил наглеца кулаком по наглой роже, что тот свалился без чувств. Из-за угла вылетели двое его друзей, бросились на Андрея. Но не зря Андрей был внуком своего деда. Одного швырнул так, что тот, врезавшись в стену клуба, сполз на землю, ошеломленно встряхивая головой, а второму сунул под дых, заставив согнуться в три погибели. Из-за поворота выскочил Максим, за ним еще свои, деревенские ребята.

Максим встревоженно повел взглядом и расслабился.

– Отбой, ребята...

Подошли остальные городские.

– Значит, так, – сказал им Максим, – забирайте эти тела и валите отсюда, пока вам не накостыляли.

– Вы знаете, что с вами завтра будет? – спросил один из приезжих. – Завтра здесь сто человек с цепями будет. Хана вашим Столбцам.

Андрей разозлился.

– Что ты тут пугаешь ста человеками? Выходи ко мне, и мы все решим. Это я их приглубил, – он кивнул на копошащихся противников. – Иди сюда и покажи мне свою храбрость, я обещаю – никто не вступится.

Но парень, поглядев на поверженных друзей, выйти против Андрея не рискнул.

– Еще встретимся, – пригрозил он.

– Еще одна угроза – и я тебя сейчас отоварю, – Векшин стремительно сделал шаг вперед.

Егорьевские без шума собрались и уехали. Андрей похлопал Максима по плечу и подошел к крыльцу клуба. Там стояла плачущая Марина.

– Что ты, глупая? – обнял её Андрей и почувствовал, как дрожит её хрупкое тело.

– Я так боялась за тебя...

Инцидент остался без последствий. То ли стыдно стало, пострадавшему от собственной наглости горожанину, везти против человека, побившего его, толпу, то ли не нашлось «ста человек с цепями», готовых вступить за него...

Между тем на дворе стоял тысяча девятьсот девяностый год. В стране полным ходом шли перемены, ломая устойчивый быт и выживать колхозам становилось все труднее и труднее. Пролетело лето, женился на Свете Максим Ромашин. Андрей был у него на свадьбе свидетелем. Потом Максим устроился на работу в милицию в районном Егорьевске, поступил заочно в техникум. Звал с собой Андрея, но тот решил попробовать себя в большом городе, ехать в областной центр. Дед с бабушкой выбор внука не очень одобряли, но видели, что колхоз находится на последнем издыхании, поэтому не особо и возражали. Они еще крепкие, пенсию получают, проживут... А внуку-то как-то устраиваться в жизни надо.

Больше всех переживала Марина.

– Что ты, глупая... – обнимая её, говорил Андрей. – Ты школу закончишь, я как раз там обживусь и заберу тебя через год. Куда же я без тебя? Ты же видишь, нечего делать становится в деревне... Как мы жить-то будем? На что?

– К Максиму иди...

– Нет, – качал головой Андрей. – Мне в армии погоны надоели, чтоб еще милицейские одевать. Уеду в область, на работу устроюсь, на завод там или на стройку, место в общежитии дадут. Потом, когда поженимся, может малосемейку на первое время выделят. А там видно будет... Ты учиться пойдешь, там много институтов. Вон ты как в школе хорошо учишься, тебе дальше надо. А я работы не боюсь, на жизнь нам заработаю. А пока приезжать буду часто.

– Да-а... часто... – по-детски шмыгала носом Марина. – Расстояние-то двести верст...

– Ну и что? Сказал – буду приезжать, значит буду.

Марина крепко прижималась к нему и, успокоенная притихала. Она верила.

Осенью Андрей уехал.

Первое время, Векшин, действительно часто навещался на малую Родину. Устроился он на завод учеником строгальщика, получил общежитие, через некоторое время стал работать самостоятельно, потом повысил разряд. Денег, не то, чтобы с лихвой хватало, но много ли одному надо... Еще и на подарки Марине да деду с бабушкой выкраивал. Но постепенно стал понимать, что хватает ему это только пока, а если поженятся с Мариной, что тогда? Жилплощади в ближайшие лет пятнадцать и ждать нечего. А тут наступала эпоха разнузданных девяностых... Завод стремительно сбавлял обороты, росла инфляция, таяла зарплата. Уже стало не на что и в деревню-то съездить. Жил – с копейки на копейку перебивался. Работы в цехе становилось все меньше и меньше, зарплату начали задерживать, пошли забастовки, толку от которых не было совершенно. Думал Андрей, что они с семнадцатого года забыты, а вот... Векшин становился задумчивым все чаще и чаще, апатично лежал на кровати, бессмысленно глядя в потолок. Размышлял о жизни. И ничего обнадеживающего в этих размышлениях не появлялось. А вокруг кипела жизнь, кому переливалась красками радужными, а кому стлыла фоном черным, безрадостным. Все вдруг стремительно рванулись в торговлю, продавали все и вся. Открывались частные предприятия, фирмы, общества с ограниченной ответственностью. По городу стали ездить импортные автомобили. Купить, приобрести можно было все, что захочешь, были бы деньги. А денег-то как раз и не было... Что делать дальше, Андрей, прямо сказать, не знал. Не представлял попросту. На рынок пойти торговать, челночником стать? Ездить

за товаром в Москву и Турцию? Но где денег на раскрутку взять? С дедовой пенсии, что ли? Да за что ни возьмись, на все нужны были деньги, деньги, деньги... Просто безнадега какая-то...

Марина ждала, ждала его, потом письмо прислала, спрашивает, когда, мол, приедешь, жду ведь... А ему и ответить-то нечего. Прямо написать что денег на дорогу нет, стыдно, а что придумать, он не знал. Ну что вот тут можно придумать? Заболел? Так сколько болеть можно? Выходные работает? Опять, рано или поздно выяснится, что это неправда. Если столько работаешь – то где же твои деньги тогда? Но ведь все дело как раз в том, что денег-то в ближайшем обозримом будущем и не предвидится. А он ведь обещал, что заработает столько, что и ему хватит, и Марине. Горько становилось Андрею от дум таких. Получается, что же он за мужчина такой, если даже на свадьбу заработать не может, не то чтобы семью потом содержать...

Так, незаметно протекла вялая, полуголодная зима. Стало солнышко пригревать, а жизнь все не налаживалась, проблемы оставались все те же.

Занял денег, съездил в деревню. Попилили с дедом дрова, поколол их, навоз помог вывезти на огород. На все вопросы дома больше отмалчивался, отвечал только, что все нормально. А с Мариной... Нет, любить он её меньше не стал, но одной любовью-то не проживешь. Хорошо с ней вечером по деревне гулять, но ведь всю жизнь не прогуляешь... А Марина сразу заподозрила неладное...

– Что с тобой, Андрюша? – спросила она как-то, когда они сидели, обнявшись, глубоким вечером на лавочке у её дома.

– А? – очнулся от своих невеселых дум Векшин.

– Что у тебя случилось, спрашиваю...

– Случилось? – переспросил Андрей. – Да ничего не случилось, с чего ты взяла?

– Да уж... Вижу, что ничего не случилось... – и добавила серьезно. – Ты изменился сильно, Андрей.

Векшин прижал её к себе, заглянул в глаза.

– В чем это я изменился?

– В чем... Угрюмый стал, нервный какой-то, взвинченный. А раньше был веселый и ласковый. Не ездил долго, теперь вот приехал, подарков понавоз, а сам сидишь задумчивый, на меня как будто и внимания не обращаешь... Может у тебя там, в области, другая появилась?

– Да ты что! – округлил Андрей глаза. – Мариш, ну ты уж придумала... У меня ты есть, понимаешь ты, зачем мне кто-то?

– А почему ты тогда сам не свой?

Андрей замолчал. Не рассказывать же ей, что думает сейчас он о том, как деньги, которые он занял, чтобы купить подарки и оплатить проезд, теперь отдавать... Поднял Марину на руки, прижал к себе.

– Все у меня нормально, – произнес он как можно убедительнее. – И у нас все нормально будет дальше...

Говорил и сам не верил. С тем и уехал.

В город приехал, а проблемы все те же. Даже больше стали, теперь еще голова болит, как долг отдать.

В комнате с ним проживал Пашка Сергеев, тоже выходец из дальнего района области. Нормальный парень, на год старше Андрея, они как-то сразу нашли общий язык, делились всем, что у каждого было, вместе ходили поначалу на футбол и в кино, пока у Пашки не появилась девушка. А Андрей, действительно, по Марине тосковал, не заводил ни с кем никаких шашней, хотя возможности для этого были. В общем, хорошим был соседом Пашка Сергеев. Да и проблемы у них вскоре стали появляться общие, бытовые и социальные, а это тоже сближает. Вообще, можно сказать, Пашка стал вторым другом для Андрея. Первым, конечно, оставался Максим. Вот и жили в заводском общежитии два молодых, полных сил парня, с хлеба на квас перебивались... Но в последнее время Пашка прямо на глазах стал меняться,

постригся коротко, одеваться стал модно, носил фирменные спортивные костюмы, в его обиходе стали появляться разные жаргонные словечки. Приносил в комнату дорогие продукты, которых, Андрей раньше-то и на вкус не пробовал, угощал приятеля. Но у Векшина кусок не лез в горло, потому как ему угощать в ответ Пашку было нечем. Спросил как-то, откуда это все, но Пашка ловко отшутился, перевел разговор в другую плоскость, а Андрей заострять этот вопрос не стал. Если не хочет приятель об этом говорить, значит, есть на то причины. Но после того как Андрей приехал весной из деревни и поделился с другом головной болью, на тему как вернуть занятые на поездку деньги, Павел хмыкнул:

– У кого ты занимал-то?

– У Жоры Медникова. Под проценты...

– Это ясно, – усмехнулся Пашка. – Этот барыга только под проценты и занимает.

На том разговор и закончился.

Но через несколько дней Пашка сам к нему вернулся.

– Слушай, Андрюх, – как-то внезапно произнес он. – Хочешь долг вернуть, да и еще заработать?

Андрей чуть не подавился куском хлеба, который в этот момент жевал.

– Ну... – только и произнес он.

– Вечером сегодня сходишь со мной?

– Куда? – наконец проглотил кусок Андрей. – Только предупреждаю, я воровать и грабить никого не буду.

– Ну, ты уж совсем... – округлил глаза Сергеев. – Неужели думаешь, что я тебя воровать и грабить позову? Просто, понимаешь, какая ситуация, один нехороший человек не отдает моему знакомому кругленькую сумму...

– И что? – не понял Векшин. – Я вот тоже не отдаю, не с чего...

Пашка засмеялся.

– Сравнил... То, что ты не отдаешь, это копейки какие-то, а там сумма такая, что тебе и не снилась. А деньги у этого должника есть, просто он моего знакомого кинул.

– Как это кинул? – удивился Андрей. – Куда кинул?

Пашка засмеялся еще сильнее, но необидно как-то, по-дружески.

– Кинул, это значит, обманул. Решил не отдавать вообще.

– Вообще? – это для Андрея было непонятно. Как это – есть деньги и не отдавать долг.

Он голову сломал, где бы найти то, что занял, а тут... Разве бы он сомневался, отдать долг или нет, если бы были деньги?

– Понимаешь, брат... – в раздумье произнес Пашка. – Сейчас такое время, что очень много появляется денежных людей. И они начинают обманывать друг друга. А мы просто восстановим справедливость. Вернем деньги владельцу. Причем за нормальный процент.

– А как? Бить будем?

– Там посмотрим. Не исключен и такой вариант. С нами еще ребята будут, мои приятели.

Ну? Ты как?

Андрей подумал.

– Давай попробуем.

Вечером Павел с Андреем зашли в недавно открывшееся коммерческое кафе. Там их уже ожидали трое парней с одинаковой короткой стрижкой в фирменных спортивных костюмах. Павел представил им Андрея. Парни по очереди пожали ему руку, называя свои имена:

– Юра... Сергей... Саша.

– Андрей... – пробурчал Векшин. Он чувствовал себя явно не в своей тарелке. Его скромная одежда резко контрастировала с модными спортивными костюмами новых знакомых, а прическа была явно длиннее их принятых норм. Но ребята или, действительно, не обращали на это внимание, или просто делали вид, что не обращают.

– Значит, так... – сказал Юра. Очевидно, он был за старшего. – Должник наш охрану нанял, качков каких-то, скорее всего, придется их нейтрализовывать. Поэтому не расслабляйтесь, пацаны.

А как нейтрализовывать, не сказал. Сам же Андрей спросить как-то постеснялся. Раз все промолчали, всем все понятно, то зачем ему свое неведение показывать? Вышли из кафе, сели в темно-синюю иномарку «форд Скорпио». Векшин никогда до этого не сидел в импортной машине, поэтому с любопытством осматривался. Да, ребята, видно, не бедствуют... Интересно, зачем им он? Они и сами кому хочешь салазки согнут, это сразу чувствуется. Ладно посмотрим, попытка не пытка... Да и деньги просто позарез нужны. Доехали быстро. Припарковались возле какого-то сверкающего неоновыми огнями ресторана, сидящий впереди рядом с водителем Юра всмотрелся сквозь ветровое стекло и вздохнул облегченно:

– Здесь он... Вон его «Мерин» стоит.

Андрей огляделся, но никакого мерина не увидел. Непонятное что-то говорит Юра... Ну откуда здесь, в центре города, возьмется мерин? Что он тут делать будет? Тут вон сколько машин красивых, заграничных... Но он промолчал, не сказал ничего и получилось, что правильно сделал. Потому что меринком оказался не что иное как эффектный и сразу видно, безумно дорогой, черного цвета автомобиль марки «Мерседес».

– Будем ждать, – сказал Юра.

Ожидать пришлось долго. Выходили по очереди подышать свежим воздухом, размять ноги. Накурились до одури. Наконец, двери ресторана распахнулись, из них уверенно вышел тучный человек в окружении двоих крепких парней в каких-то дурацких, малинового цвета пиджаках.

– Выходим, – скомандовал Юра.

Когда подошли к Мерседесу, то как-то так получилось, что впереди оказались Юра с Андреем. Остальные почему-то отстали.

– Слышишь, Карпуха, – развязно произнес Юра. – Не пора ли долги отдавать? Ты здесь жируешь, а человек, которому ты должен на мели сидит? Где ж справедливость?

Парни-охранники мгновенно взяли толстяка в «коробочку». А тот с удивлением посмотрел на него, на неброско одетого Андрея и сказал:

– Шли бы вы своей дорогой, ребята...

– Гаси! – крикнул Юра Андрею нанося удар ближайшему «малиновому пиджаку», но тот ловко сблокировал удар и Юре пришлось бы несладко, если бы Андрей не достал парня длинным крюком, от которого он кулем свалился на землю. Второй ударил Андрея в лицо, удар пришелся в скулу, из глаз посыпались искры, Но Векшин устоял и, схватив парня в охапку, поднял его под себя. Подоспевшие ребята помогли окончательно нейтрализовать охрану, онемевшего от такого развития событий Карпуху втащили в свою машину и погнали за город. После недолгого разговора с применением силы, пленник согласился вернуть долг. Андрей подумал, что если бы это не был долг, он все равно бы согласился отдать любые деньги, только бы вырваться из их рук. Парни заехали к должнику в гараж и тот, больше не прекословя, отдал им тугой сверток с деньгами.

– Вот, видишь, – почти ласково произнес ему на прощание Юра. – А говорил, нету...

Андрею, когда они ехали домой, он сказал:

– Молодец. Правильно действовал. А ну, покажи скулу... Да-а опухла малость, и синееет уже, зараза...

– Да ерунда... – отмахнулся Андрей

– Так он тебя приложил, а ты даже не пошатнулся. Силен... И первого свалил, и второго заломал. Прямо Шварценеггер...

– Точно, – поддержали его остальные. – И реакция есть. Наш, в общем, пацан...

– Ладно, посмотрим, – подытожил Юра. Как-то туманно и непонятно это прозвучало. На что посмотрим? Зачем?

Ребята подвезли Андрея до общежития, высадили его, попрощались. Пашка поехал с ними дальше.

– Долю завтра получишь, – сказал на прощание, пожимая ему руку, Юра.

На следующий день Пашка протянул Андрею стопку купюр. Андрей машинально взял в руки деньги, повертел их в руках и сунул, не глядя в карман. Неудобно было пересчитывать при друге.

– Посчитай, посчитай, – засмеялся Пашка.

Векшин, пожав плечами достал деньги, пересчитал. И даже растерялся от неожиданности. Сумма, которую он держал в руках, раз в восемь превосходила ту, которую он был должен вместе со всеми процентами отдать Жоре Медникову.

– Это все мне? – глупо переспросил он.

Пашка зашелся в смехе.

– Ох, Андрюх, – произнес он, отсмеявшись. – Ты бы на себя со стороны сейчас посмотрел... Выражение лица у тебя как... не буду говорить, а то обидишься.

Ну, еще бы. А какое выражение может у него быть, если он такие деньги никогда в руках не то что не держал, а даже и не видел никогда столько сразу.

– Ты не ошибся? – засомневался Андрей. – Это точно мне?

– Тебе, тебе, – успокоил его Павел. – Заработал честно.

Андрей спрятал деньги. В его бесхитростной крестьянской душе ворохнулось недоумение – как так можно, ничего, по сути, не делая, заработать такую сумму? Что он такое совершил, чтобы ему столько денег давать? Пашка сказал: «Заработал честно». Но как это он заработал честно, если он не работал вообще, вот вопрос... Неужели за то, чтобы ударить человека, платят такие деньги? Непонятно это как-то...

– Ребятам ты понравился, – сказал Пашка. – Они тебе и погоняло уже дали: Шварценеггер. Силен, говорят, твой друг.

– Что такое погоняло? – недоуменно спросил Векшин.

– Хм... Ну прозвище, кличка... У нас у всех оно есть. Я, к примеру, Паштет. Производное от Пашки. Юра – Гонщик, он мотоспортом занимался, гонял на мотоциклах... Ну и так далее. В общем, если ты еще пару раз себя так зарекомендуешь, возьмут тебя к нам в бригаду без вопросов.

– Бригаду? – опять переспросил Андрей. Никак не мог он понять Пашкиных выражений. Вроде ясные, понятные слова, а значение имеют почему-то совсем другое...

– Да, бригаду... Только не колхозную, не строительную и не заводскую. Настоящую бригаду.

– И чем ваша бригада занимается?

– Крыши ставит, долги выколачивает... Да много чего.

– Какие крыши?

– Ну, вот смотри, – немного подумав, стал объяснять Сергеев. – Видишь, сколько сейчас коммерсантов развелось? Вот то-то... У них деньги большие появились. А на большие деньги охотников много. Значит что? Существует риск их потерять. Но если сотрудничать с нами, этот риск существенно понижается, если не исчезает вообще. Потому что своих коммерсантов мы защищаем. А они нам за это платят процент с прибыли.

– Получается, вы – охрана ...

– Не совсем... Охрана только охраняет. А мы не только охраняем, мы еще с конкурентами разбираемся, смотрим, чтобы наших коммерсантов не надували во время сделок, чтобы все по понятиям было. И сами мы по ним живем.

– Что за понятия?

– Понятия? – снова задумался Пашка. – Как бы тебе объяснить... Ну, это вроде свода законов, только не государственных, а наших, пацанских. Поймешь со временем... Главное – парень ты крепкий и характер у тебя есть, а остальное приложится. Такие, как ты, нам нужны. Основное запомни – нужно всегда отвечать за базар и не прощать обид.

Андрей напряженно раздумывал.

– Слушай, Пашка, так это что-то вроде мафии получается... Как за границей.

– Ну вот, мафия... – поморщился приятель. – За границей свое, у нас свое... Ты пойми, сейчас настает наше время! Время, таких, как ты, как я... Крепких, смелых ребят. Все у нас будет: и деньги, и тачки, и квартиры. И не когда-то, а скоро. И девки красивые все наши будут.

– У меня Маринка есть.

– И хорошо. Это твое личное дело. Женись, живи со своей Маринкой, никто не запрещает. Сможешь ведь, если все нормально пойдет и её обеспечить, и сам жить шикарно.

Андрей долго молчал. Что-то внутри говорило, подсказывало ему, что все, сказанное Пашкой, как-то не совсем правильно, но где именно эта неправильность, понять он не мог. Вроде, как объясняет Сергеев, все справедливо получается. Но ведь противозаконно же. Хотя закон и справедливость далеко не одно и то же. Но ведь всеми этими делами занимаясь, можешь и не заметить, как черту переступишь. Убьешь там или покалечишь кого... Или... Да мало ли... Но, с другой стороны, хотелось Андрею хорошо пожить, что греха таить... Видел ведь он, какая красивая жизнь мимо проносится. Тем более денег легких сегодня вкусил. Сколько проблем решил за один только вечер. И долг отдаст, и в деревню теперь хоть каждый день ездит. И Марину, если с этими ребятами пойдет, и содержать, и выучить сможет. А самое главное, что перевесило все сомнения Векшина, так это то, что не видел он больше никакой альтернативы для достойной обеспеченной жизни. Единственная возможность хорошо пожить, это принять предложение Пашки...

И Андрей решение принял. Он принял его тогда почти сразу, хотя и пытался себя убедить, что если придется пойти против совести, то занятие это тотчас бросит. Глупец. Сколько раз потом приходилось идти против неё... Да и само понятие: совесть как-то изменилось, сместилось со временем в Андреевых мозгах. Но затянула перспектива сладкой жизни, заманила в такие дебри, откуда выйти уже трудно. И не потому что кто-то держал. Нет. Жизнь обеспеченная, власть, положение, пусть и в своих специфических кругах, держат лучше чьих-то физических рук. Адреналин опять же щекочет, будоражит нервы и со временем становится необходимым, как наркоману наркотик.

Влился Андрей в бригаду на удивление легко и быстро. Проверку прошел без сучка и задоринки, отличился на нескольких стрелках с конкурентами, шустро начал ориентироваться в понятиях, поднаторел в жаргоне. Прослыл крепким и правильным пацаном, авторитет его среди себе подобных стал расти стремительно, где-то его уважали, где-то просто боялись. Но страх это обратная сторона уважения в бандитском мире, поэтому без него тоже никак.

Сначала, как появились деньги, он еще ездил в деревню. Потом надолго пришлось уехать в Москву, были там у их группировки интересы, связанные с охраной своих коммерсантов, бизнес которых уходил корнями туда. А он ведь молодой, интересный парень и при деньгах. Можно ли было ему долго обходиться без женщин? Сначала пользовался услугами жриц любви, потом завел и содержал пару любовниц. Вначале вроде неловко было, совесть мучила перед Мариной, потом притерпелся как-то.

А когда видел Марину последний раз, произошло следующее. Тогда еще у них все нормально вроде было, приехал он, правда, автобусом, но одет хорошо, на пальце печатка золотая на девятнадцать граммов, на шее цепь, такая что любого пса удержит... В общем, по тем временам, показатель крутости и обеспеченности. Хотя подумал-подумал и снял все эти цацки, когда к деревне подъезжал. Марине сережки золотые привез, еще что-то по мелочи. Хорошо Максима не видел, тот на сессию как раз в свой техникум уехал, он бы, наверное, его сразу

раскурил, стоило только пообщаться. Марине же Андрей наговорил всякой ерунды о бизнесе, которым, якобы занимается, деньги на раскрутку, дескать, одолжил, да уже давно вернул. Та поверила, смотрела на Векшина сияющими глазами, прижималась к плечу его крепкому. Они смеялись, строили планы на будущее.

А потом Марина сказала то, что перевернуло всю жизнь дальнейшую и его, и её. Сказала, что побаивается в большом городе жить, там говорят, бандитов развелось неимоверное количество. И стреляют на улицах, и режут. Откуда только их взялось столько и сразу? Людей данью обкладывают, убивают, если те не платят. Сволочи какие, правда? «Правда», – выдавил тогда Андрей. Но ты-то им не платишь за бизнес, как только не боишься, у них же ничего святого, даже странно, что у них тоже родители есть и родные. Понаслушалась по телевизору всякого, дуреха... Что мог ответить Андрей?

Вернулся в город, мучился долго, переживал, но бросить свое бандитское ремесло уже не мог. Затянуло. И Марине признаться тоже не мог. Просто боялся, что не останется она с ним тогда, что нанесет он своим признанием ей неизлечимую рану и возненавидит она своего бывшего возлюбленного, презирать станет... Что делать, Векшин просто уже не знал. Не находил он выхода из этого лабиринта запутанного.

И он просто перестал ездить на малую Родину. Махнул на все рукой и поплыл, вернее, понесся по бурному течению жизни, ничего не загадывая и вперед стараясь не смотреть. Деду с бабушкой слал переводы, а Марине и Максиму просто перестал писать. Предвидел, что реакция друга, узнай он всю правду об Андрее, будет схожа с Мариной.

Сначала еще думал, что накопит денег, бросит свое занятие, приедет за Мариной, заберет её к себе. Но денег, как известно много не бывает. Из общежития Андрей давно съехал, сначала на съемную квартиру, потом собственную купил, в общем, написать ему Марина уже не могла. А он гулял, кутил, по ресторанам, прожигая жизнь на полную катушку. Потом завел себе красивую подружку с модельной внешностью не потому, что полюбил, просто положение обязывало. У братвы это тоже был атрибут крутости, а он к тому времени стал уже в группировке авторитетом, ему это по рангу полагалось. Ну а потом после того, как постепенно начала забываться, стираться в памяти Марина Агеева, женился на этой красотке. Жили они, правда, больше каждый сам по себе. Её только деньги и вещи интересовали, а Андрея такое положение просто устраивало. Жену он никогда не любил, и душевная близость с ней была ему просто не нужна.

О том, что умерли бабушка с дедом, Векшин узнал после того как вышел из изолятора, где сидел под следствием. Взяли их тогда целой группой, на стрелке с конкурирующей группировкой. Брал ОМОН, бойцы работали жестко, стреляли без предупреждения. Семь месяцев просидел, но выпустили, не доказали ничего. Погоревал Андрей, погоревал, напился несколько раз в дым. Все же любил он очень своих стариков. Но жизнь брала свое, дела скучать не давали, и, постепенно горе его сгладилось. Вспоминал, правда, иногда Марину, и щемила тогда душа, болела, мучило его что-то, точило... Заливал воспоминания опять же водкой. А потом и горевать перестал. Что ж убиваться попусту: того, что было не вернуть уже... Да и где она теперь, Марина? Нет её, наверное, в деревне, давно уже нет. Да и не та она уже юная девчушка, что была когда-то... И он тоже давно уже не тот.

Андрей вздохнул, вяло выплюнул окурочек, посмотрел на часы. Почти восемь... Рановато он поднялся. Раньше бывало, если перепьет, до обеда пушкой не разбудишь. А тут... И спал как-то тревожно, и сейчас так на душе погано... Хотя, попытался утешить себя Андрей, что случилось такого неожиданного и страшного? Тяжелый разговор с Максимом? Так он должен был состояться. Правда надеялся робко Андрей, что может быть сгладили года размолвку с другом, притерпелся Максим к мысли, что Векшин себе путь такой извилистый выбрал. Хотя

какая размолвка? Её ведь не было по сути. Андрей просто разорвал, ничего ни говоря, все отношения с другом. Но вот почему разорвал? А разорвал потому, что предвидел реакцию Максима, на его избранный путь жизненный. Так почему сейчас он стал думать, что друг смягчится со временем и встретит его, хоть и с упреками, может быть, но все же не так враждебно? Наивно и смешно было так думать... Он же знал твердый характер бывшего друга. Так почему же тогда надеялся, что он с годами изменится?

Раньше Векшин считал, что друзья бывшими не бывают, что если перестал один человек быть другому другом, значит, просто-напросто никогда им и не был. А сейчас? Что получается в их ситуации? Ведь друзья они уже точно бывшие... Значит, настоящими и не были, если исходить из прошлого убеждения Андрея? Да как же не были, когда были. Были! Но ведь, не Максим разорвал отношения, а он, Андрей. Хотя... Если бы не разорвал он, то это все равно сделал бы Максим. Так чья вина, что разошлись дороги? Андрей сжал зубы, смял горящую сигарету в кулаке, не чуя боли... Он виноват. Он.

Ладно. Один удар он выдержал. Но предстоит второй, не менее сильный – встреча с Мариной. А они встретятся, рано или поздно. Хочет ли он этой встречи? И да, и нет... Вообще, надо сказать, еще многое ему пережить придется. Односельчане вон до сих пор носа не кажут, в избы прячутся, когда он по деревне родной идет. А ему ведь нужно с ними как-то контактировать. Это в городе ты можешь годами даже и не знать своих соседей по подъезду, не нужны они тебе. В магазине все купил, к себе в квартиру зашел и все дела. А здесь... Как он будет здесь жить, как, допустим, дрова будет заготавливать, торф? А огород придется на следующий год засеять? Где лошадь возьмет? И как один сеять будет? В деревнях, когда сажают картошку, собираются все соседи, сеют дружно за пахарем. Сегодня одному посадят все вместе, завтра другому... И деньгами здесь все не решишь. Ну, допустим, за дрова и торф он заплатит без вопросов, деньги у него есть. Но кто-то же привезти все это должен откуда-то и на чем-то... И молоко, положим, он купил бы. Но опять же, у кого? В сельском магазине его не продают. У людей покупать надо, это ведь деревня, коров многие держат, но для этого же общаться нужно, придти к кому-то, попросить... А что если он придет, а ему скажут, извини, мол, милок, нету лишнего. Нет, в деревне, без контакта с людьми не прожить... Да и магазин... Он находится через озеро в Столбцах, там и народа побольше, не так явно все вымерло. Но стыдно ему туда идти, как, опять же, с людьми общаться? Как в глаза глядеть, допустим, родителям Марины или родственникам Максима, если встретятся. Да и остальным... Слухи о нем, как о бандите, давно пронесли, а в деревне они расходятся и разрастаются, как волны от брошенного в воду камня. Придумают и то, чего он сроду не совершал. Хотя в его случае, что ни придумай, все близко к истине будет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.